
**«НА ЧЕРКЕСКИ НЕ ХВАТАЕТ СУКНА,
НАМ НАВРЕДИЛИ КУЛАКИ...»:
КОСТЮМ «СОВЕТСКИХ КАЗАКОВ» ТЕРЕКА И КУБАНИ В 1930-Х ГГ.**

А.П. Скорик

Кафедра теории государства и права и отечественной истории
Южно-Российский государственный технический университет
(Новочеркасский политехнический институт)
ул. Просвещения, 132, Ростовская обл., г. Новочеркасск, Россия, 346428

Статья посвящена культуре российского казачества 1930-х гг. Автор предметно анализирует процесс создания костюмов советских казаков и казачек, которые ярко отражают особенности «культурного строительства» в казачьих регионах Кубани и Терека в 1930-х гг.

Ключевые слова: казачество, одежда казаков, парадный костюм, черкеска, «советское казачество».

Вторая половина 1930-х гг. представляет собой в хронологическом отношении особый, во многом уникальный исторический этап в социальной судьбе российского казачества. Это было поистине удивительное время, когда после жесткого командно-административного осуществления антиказачьих акций периода коллективизации советская власть вдруг резко признала поддерживавших ее (или смирившихся с ней) казаков полноправными членами «социалистического общества».

Несмотря на то что названные события второй половины 1930-х гг. сыграли весьма важную роль в судьбе российского казачества (в частности, в жизни казачьих сообществ Кубани и Терека), в южнороссийской региональной историографии они исследованы далеко не столь детально и подробно, как хронологически предшествующие и последующие исторические периоды. Скажем, мы многократно больше сегодня осведомлены о таких противоречивых страницах истории российского казачества, как «рассказывание» времен Гражданской войны, «поиск согласия» (1) казаков и советской власти в годы нэпа, антиказачьи акции периода коллективизации или же участие казачьих формирований в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Тем не менее, процесс нормализации отношений между казачеством и советской властью во второй половине 1930-х гг. все же получил некоторое обобщенное отражение в историографии (2). Однако остается недостаточно изученным вопрос о культуре «советского казачества».

Культура «советских казаков» Кубани и Терека (как, впрочем, культура любого другого сообщества людей) предстает в социальной истории как явление чрезвычайно емкое и многогранное, требующее обстоятельного исторического повествования. В рамках одной, даже развернутой, статьи, безусловно, не представляется возможным детально рассмотреть все многообразие казачьей культуры 1930-х гг., всю сложность процессов ее становления и развития. Поэтому мы предметно ограничимся освещением процессов создания костюма советских казаков и казачек, которые достаточно ярко отражают особенности советского «культурного строительства» в казачьих регионах Кубани и Терека в 1930-х гг.

Формально не существовало никаких нормативно-правовых и подзаконных актов (декретов, правительственных постановлений и т.п.), запрещавших казакам носить свою военную форму, которая в мирное время использовалась ими как повседневная и парадная (выходная) одежда. Более того, в августе 1925 г. Северо-Кавказский крайисполком в своем циркуляре всем окружным и областным исполкомам об учете особенностей казачьего быта довольно внятно рекомендовал: «казачество должно знать, что Советская власть различает только классовое расслоение, что она относится совершенно одинаково к крестьянину, казаку, горцу. В силу этого казак может оставаться и называться казак со всеми своими привычками, носить ту или иную одежду, то или иное холодное оружие, может петь свои вольные песни, собираться на традиционные вечеринки, оказывать почет старикам и т.д. и т.п.» (3).

Местные партийные работники также достаточно четко разъясняли эту позицию. В ноябре 1925 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян, высказываясь против «стеснения казачьего быта», говорил: «нигде в нашей программе не написано, что нельзя носить лампасы и что кубанка означает контрреволюцию, а английская кепи – революцию» (4).

Однако при всех высказываемых благих пожеланиях неоспоримым фактом являлось преобладающее отрицательное отношение к любым проявлениям казачьей самобытности со стороны бывших «иногородних», составлявших в конце 1920-х – 1930-е гг. подавляющее большинство представителей местного руководства на Кубани и Тереке. Неудивительно поэтому, что во время коллективизации, когда такое недоброжелательное отношение резко усилилось, немало казаков «стыдились (своей принадлежности к казачьей общности), не признавались, что (они) казаки» (5).

Казаки вынужденно отказывались от повседневного, да и праздничного ношения своего традиционного костюма. Этот отличительный атрибут казачьей культуры вполне мог быть воспринят местными активистами как вызывающая отторжение знаковая демонстрация принадлежности к казачеству и, соответственно, повлечь с их стороны применение карательных мер.

В результате в казачьей среде успел сформироваться в первой половине 1930-х гг. стойкий стереотип в отношении казачьего костюма. Не случай-

но в ходе кампании «за советское казачество» терские казаки, когда недобрым словом вспоминали минувшие годы, то красноречиво рассказывали: «путали нас, что казаков быть не должно, некоторые из нас даже свою казачью одежду перешили в пиджаки» (6).

Привычка скрывать казачье происхождение проявилась и в другом знаменитом событии. В октябре 1935 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов, беседуя с казаками-колхозниками Суворовского района края, даже пожурил их за некое, по его мнению, изначальное притворство: «вы почему, ехали к Евдокимову, как нищий прикидываетесь. Почему черкеску не одели, а я с удовольствием смотрю, это красиво. Почему черкеска и почему папаха хуже кепки (?). Это не верно» (7). Судя по всему, терские казаки, приехавшие к Евдокимову, были уже научены горьким жизненным опытом и потому предварительно решили, что в казачьей форме на глаза «большому партийному начальнику» лучше не попадаться. В то же время укоризненные слова Е.Г. Евдокимова вполне логично объяснялись тем, что он выступал перед казаками с официальной позиции, которая ничуть не изменилась с 1920-х гг. Согласно этой платформе, казачий быт, казачья культура не подлежали «стеснению». Впрочем, вероятно, первый секретарь крайкома что-то знал или каким-то образом догадывался о скором развертывании кампании «за советское казачество», чем и обуславливался доброжелательный тон его речи.

Вместе с тем отказ от повседневного ношения традиционной казачьей одежды не стал в период коллективизации повсеместным явлением в казачьих станицах Кубани и Терека. На сохранившихся фотографиях первой половины 1930-х гг. мы нередко видим членов кубанских казачьих колхозов в неизменных «кубанках», лихо сдвинутых набекрень (8). Поэтому когда началась широкомасштабная кампания «за советское казачество», внешний облик населения казачьих станиц Кубани и Терека изменился не столь существенно. Разница заключалась лишь в том, что казаки непременно стали надевать парадную казачью одежду на те или иные праздники и торжественные мероприятия, активно позировать в парадных костюмах для фотографов из различных газет и журналов.

Правда, если верить свидетельствам Е.Г. Евдокимова, то по итогам осуществления коллективизации возникли некоторые трудности с обеспечением населения казачьих станиц традиционной одеждой. На уже упоминавшейся встрече с казаками-колхозниками Суворовского района в октябре 1935 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) выразил сожаление по поводу того, что черкеска «прекрасная вещь, красивая, но на сегодняшний день, надо прямо сказать, не по карману» (9). «Если бы (мы) имели возможность», рассуждал Е.Г. Евдокимов, «(то) с удовольствием оделись бы в черкески, но пока этой возможности нет. Почему не можем? Просто не хватает такого сукна, нам навредили кулаки, а мы пока не восстановили это дело» (10).

Смысл этих витиеватых фраз партийного лидера отчетливо сводился, прежде всего, к тому, что именно «кулаки» якобы злонамеренно своими действиями подорвали развитие овцеводства в крае, в связи с чем не хватало шерсти для изготовления сукна для черкесок. Так псевдологическое пропагандистское замещение оправдывало верность осуществляемого партийного курса. Причем эту тему чужой «классовой вины» партийный вождь края развивал и значительно позже.

В середине марта 1936 г., выступая на торжественном пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани и Терека и горцами Северного Кавказа, Е.Г. Евдокимов прямо призвал решить проблему овцеводства в целях обеспечения казаков традиционной одеждой: «Не забывайте, что бешметы или из тонкого сукна шаровары мы не сумеем с вами дать, если не займемся как следует овцеводством» (11).

Возможно, ситуация в овцеводстве действительно была настолько серьезна, как говорил тогда Е.Г. Евдокимов. Однако, несмотря на весь его большевистский пессимизм, терские казаки уже в самые первые дни развернувшейся кампании «за советское казачество» надели свои привычные черкески. Об этом мы можем с полной уверенностью говорить, располагая сохранившимися до наших дней фотодокументами. В частности, целый ряд убедительных фотографий поместила краевая газета «Северо-Кавказский большевик» за 1936 г. (12).

Наряду с терцами во время развернувшейся кампании «за советское казачество» свой традиционный костюм надели и кубанские казаки. Это, в частности, было хорошо заметно в марте 1936 г., когда на устроенные по случаю развертывания кампании «за советское казачество» торжества в Ростова-Дону прибыли сводные отряды донских, кубанских и терских казаков. Журналисты, описывавшие следовавших к Ростову донцов и кубанцев, были ошеломлены великолепием внешнего вида последних и уделили им гораздо больше внимания. Это весьма красноречиво отражено в следующем журналистском описании: «кубанцы – в черных черкесках с газырями, в красных бешметах и брюках с кантами, кубанских шапках с красным верхом, в красных башлыках и черных бурках, (при этом) кубанцы вооружены шашками, кинжалами» (13). Смысловой подтекст здесь прочитывается вполне ясно: кубанские казаки являются в настоящее время приверженцами советской власти. И все же, казалось, вдруг исторически вернулись былые, доколхозные времена, когда на праздничных торжествах жители кубанских станиц просто поражали сторонних наблюдателей своим внешним видом. Для исторического сравнения журналистских зарисовок процитируем хронологически более ранний материал В. Ставского. Вот, что он писал: «В праздник выражаются кубанцы в алые, малиновые, синие бешметы. Узкие талии крепко стянуты поясами, сверкают серебряные – ажурной работы – газыри и наборы на поясах» (14). Как мы видим, все то же разноцветье красок, но опять очевидна более поздняя акцентация именно на красном цвете.

Через некоторое время была утверждена форма кавалерийских казачьих частей в составе Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) (15), которая одновременно по сложившейся в былые исторические времена казачьей традиции стала и парадно-выходной одеждой казаков-колхозников во второй половине 1930-х гг. Отдельные элементы этой армейской формы, например, головной убор, годились и употреблялись казаками для повседневной носки. Поэтому в определенном смысле можно говорить об окончательном восстановлении мужского костюма кубанцев и терцев. Это были два родственных вида мужского военного платья, но, тем не менее, каждый комплекс был по-своему уникален.

Кубанцы и терцы в качестве кавалерийской формы, установленной для соответствующих казачьих подразделений РККА, носили кубанки, бурки, башлыки, черкески, бешметы, шаровары и сапоги. Эти же перечисленные нами элементы составляли традиционный костюм кубанских и терских казаков.

«Кубанка» (невысокая барашковая шапка) имела суконный верх, красного цвета у кубанских кавалерийских частей и светло-синего – у терских. В холодную или ненастную погоду костюм кубанских и терских казаков дополняла бурка (16), которая, впрочем, нередко демонстрировалась самими казаками как элемент парадного костюма. Бурка представляла собой длиннополый войлочный плащ без рукавов с подчеркнуто выдающимися в стороны прямоугольными плечами.

Под буркой, поверх черкески, за спиной, носили башлык, такого же цвета, как верх «кубанки» и бешмет: красный у кубанцев и светло-синий у терцев. Башлык одевался в непогоду поверх головного убора и выглядел как остроконечный капюшон с длинными концами. В костюме кубанских казаков башлык также играл роль дополнительного украшающего элемента, который размещался сразу за плечами на спине воина. Бешмет, как и в прежние исторические времена, шили в виде прямой рубахи со стоячим воротником. Цвет бешмета непременно совпадал с цветом суконного верха «кубанки».

Кубанцы и терцы носили шаровары кавалерийского образца из темно-синего сукна и сапоги кавказского образца из мягкой черной кожи.

Поверх бешмета одевалась черкеска, из темно-синего сукна у кубанцев и серо-стального – у терцев. Это характерный для кавказских народов мужской однобортный суконный кафтан без воротника, который исторически заимствовали в свое время терские и кубанские казаки. Типичный покрой черкески в 1930-е гг. практически не изменился. Она так же, как и в прежние исторические времена, изготавливалась портными (или самими казаками) плотно прилегающей в талии (или в талию со сборками). Черкеска имела конусовидное расширение ткани книзу и длинные расширяющиеся к кистям рук рукава. На груди черкески обязательно нашивались кожаные гнезда для патронов (газыри). Однако «советская черкеска» была заметно короче дореволюционной и, кроме того, на рукавах казачьих командиров нашивались соответствующие советские армейские знаки различия.

Таким образом, форма (она же парадная и повседневная одежда) «советских казаков» Кубани и Терека не являлась простым копированием костюма казаков дореволюционных, а несла на себе четкий отпечаток раннесоциалистической эпохи 1930-х гг.

Необходимо подчеркнуть, что далеко не все казаки Кубани и Терека выражали желание восстанавливать в новых исторических условиях традиционную казачью форму без каких-либо изменений.

Несколько прохладное отношение к процессам популяризации казачьего костюма выказывала и прекрасная половина казачества. Все же традиционный, хотя и несколько упрощенный женский костюм оставался преобладающим в казачьих станицах.

По сравнению с мужским костюмом в 1930-е гг. одежда кубанских и терских казачек-колхозниц выглядела гораздо скромнее. Повседневной, да и парадной одеждой казачек летом служили рубаха или блузка с отложным воротником (поверх которой иногда надевали кофточку), юбка или платье – однотонные по цвету либо самых разных смешанных расцветок. Последнее в большей мере зависело не столько от эстетических вкусов самих казачек-колхозниц, сколько от их скромных материальных возможностей.

Голову казачки обычно повязывали платком или (чаще) косынкой. Осенью и зимой тот же наряд с учетом наличествующих погодных условий дополнялся стеганкой, чулками, теплым платком.

Примечательно, что женский костюм на Кубани и Тереке существенно не менялся не только в 1930-х гг., но и на протяжении последующих двадцати – тридцати лет, как о том свидетельствуют сохранившиеся фотодокументы (17).

Одежда казачек Кубани и Терека, практичная и удобная в сельских условиях, была, конечно, менее модной и яркой, чем типичные наряды горожанок. Последним, кстати, это давало повод в межличностном общении насмеяться над сельскими женщинами и девушками. Председатель одного из кубанских колхозов З.О. Кияшко впоследствии вспоминал, как был неприятно уязвлен и чрезвычайно обижен, когда, будучи в городе, случайно услышал, как одна из идущих впереди него по улице горожанок укоризненно сказала своей подруге: «Что за платье?! Ты в нем выглядишь, как колхозница!» (18).

Неудивительно поэтому, что многие сельские женщины, и особенно девушки, стремились следовать за городской модой и, если им позволяли средства, то непременно носили береты (для чего делалась соответствующая короткая стрижка), костюмы и другие характерные для того исторического времени «городские» наряды.

Казачки Кубани и Терека в данном случае вовсе не составляли никакого исключения и также пытались хоть как-то угнаться за своенравной «городской» модой. Так, знаменитая в 1930-х гг. трактористка Канеловской МТС (Кубань) П.И. Ковардак в прессе того времени однозначно именуется кубанской казачкой (19). Однако фотографиям периодических изданий сама Паша Ковардак предпочитала позировать не в традиционной одежде казач-

ки-колхозницы, а исключительно в городских нарядах, что вполне естественно для молодой девушки (она родилась в 1913 г., так что даже к исходу 1930-х гг. ей было всего лишь 27 лет). Например, во время выборов в Верховный Совет СССР, куда П.И. Ковардак была выдвинута кандидатом, она была сфотографирована в типичном городском платье, с завитыми и уложенными по тогдашней моде волосами (20).

Таким образом, костюм «советских казаков» Кубани и Терека не являлся простым копированием сложившихся дореволюционных образцов. Он сочетал в себе как традиционные элементы, так и ряд характерных советских новаций, при явном преобладании первых над последними. Это, безусловно, свидетельствовало о наличии устойчивого архетипа в казачьем костюме, который невозможно в одночасье изменить и не затронуть при этом генерализующие основания казачьей субкультуры, тем более что в казачьем костюме наличествовали целый ряд существенных, характерных элементов, которые не только по-прежнему поражали эстетические взгляды современников, но и позволяли однозначно идентифицировать казачью общность как таковую.

Небольшие советские включения никоим образом не изменяли общей конструктивной композиции казачьего костюма. Этим сочетанием «советский» казачий костюм в полной мере отражал специфику раннесоциалистической эпохи 1930-х гг., когда сталинский режим, целенаправленно декларируя построение «социалистического общества», непременно сохранял и даже старательно укреплял целый ряд социально-экономических и общественно-политических компонентов предшествующих эпох (таких как крепостная зависимость крестьянства, подчиненность общества государству и пр.).

Наряду с этим в утвержденной кавалерийской казачьей форме символически четко подчеркивалась приверженность казаков советской власти.

Само же официальное возвращение кавалерийской формы казакам в ходе развертывания кампании «за советское казачество», несомненно, укрепляло казачий дух, поддерживало более привычную историческую повседневность, усиливало казачью ментальность, стимулировало стремление казаков развивать воинские традиции.

Однако несмотря на социальную инверсию названной общегосударственной кампании, немалая часть казаков Кубани и Терека уже явно утрачивала свои казачьи корни и даже сознательно отходила от привычных социальных стереотипов недавнего казачьего прошлого. Эти исторические тенденции отчетливо отражала и произошедшая эволюция казачьего костюма в 1930-е гг., как, собственно, и отказ от его повседневного использования частью казаков Кубани и Терека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Выражение профессора Я.А. Перехова. См.: *Перехов Я.А.* Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). – Ростов н/Д., 1997.

- (2) См.: *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Казачество и социализм: Исторические очерки. – Ростов н/Д., 1986. – С. 118–133; Очерки истории Ставропольского края. – Ставрополь, 1986. – Т. 2. – С. 156–157; и др.
- (3) Циркуляр Северо-Кавказского крайисполкома всем окружным и областным исполкомам об учете особенностей быта казаков и об улучшении воспитательной работы среди них. 26 августа 1925 г. // Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.). Сб. док-тов / Под ред. П.В. Барчугова; Сост. А.Г. Беспалова, И.М. Борохова, Е.В. Захарова, В.Н. Перелыгина. – Ростов н/Д., 1962. – С. 421–422.
- (4) Краткое изложение отчета секретаря Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микояна о работе крайкома на XI Донецкой окружной конференции РКП(б). 13 ноября 1925 г. // Восстановительный период на Дону... – С. 440–441.
- (5) Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терека и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. – Пятигорск, 1936. – С. 22.
- (6) *Шершевский А.* Советское казачество // Северо-Кавказский большевик. – 29 марта 1936 г.
- (7) Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 56–57.
- (8) Колхозники-двадцатитысячники // Коллективист. – 1931. – № 3. – С. 30–32; *Шустов Н.* Как организовать сдельщину // Коллективист. – 1931. – № 5. – С. 31; *Кубанский Н.* Кубань штурмует большевистский сев // Коллективист. – 1932. – № 8. – С. 5–6.
- (9) ГАНИ СК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 58.
- (10) Там же. – Л. 56–57.
- (11) Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета... – С. 28–29.
- (12) См., например, номера газеты «Северо-Кавказский большевик» за 10 марта, 16 марта и 8 декабря 1936 г.
- (13) Встреча донских, терских и кубанских казаков // Северо-Кавказский большевик. – 5 марта 1936 г.
- (14) *Ставский В.* Станица. Кубанские очерки. – М., 1930. – С. 58.
- (15) *Агафонов О.В.* Казачьи войска России во втором тысячелетии. – Киров, 2002. – С. 295.
- (16) Там же. – С. 295–296.
- (17) *Ратушняк О.В., Ратушняк Т.В.* Станица на берегу Лабы // Кубанский сборник: Сб. науч. ст. По истории края / Под ред. О.В. Матвеева. – Краснодар, 2006. – С. 110, 122, 123; Колхозница. – 1937. – № 1. – С. 17; № 7. – С. 7, 10, 14, 15; № 8–9. – С. 1.
- (18) *Кияшко З.О.* Годы колхозной жизни. Литературная запись Г. Новогрудского, А. Дунаевского. – Краснодар, 1953. – С. 59.
- (19) Письмо казаков колхозных кавалерийских сотен Дона, Кубани и Терека И.В. Сталину. 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. – С. 41.
- (20) Прасковья Ивановна Ковардак // Колхозница. – 1937. – № 12. – С. 16.

**«CIRCASSIAN COATS LACKS CLOTH, «KULAKS» HARMED US...»:
COSTUME OF «SOVIET TEREK AND KUBAN REGION COSSACKS»
IN THE 1930S**

A.P. Skorik

Department of Theory of State and Law and Russian History
South-Russia State Technical University
(Novocherkassk Polytechnic College)
Prosvesheniya Str., 132, Novocherkassk, Russia, 346428

The article is dedicated to the culture of Russian Cossacks 1930s. The author examines in details the process of creating costumes Soviet Cossacks, which reflect the «cultural construction» of Kuban and Terek Cossack regions in the 1930s.

Key words: Cossacks, Cossacks clothing, ceremonial costume, Circassian coat, «Soviet Cossacks».